

А. В. Макарин

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ: К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена концепциям и теориям в осмыслении понятия «институт», роли и месту социального и политического институтов в обществе. Выделяются типы, или модели, современного институционализма. Предлагается авторское видение смысловой и содержательной части проблем институциональной теории и практики.

Ключевые слова: политический институт, методология, исследования, институционализм.

Под институтом нередко понимается совокупность учреждений, установлений с определенной структурой и субординацией, воспроизводимой с течением времени совокупностью норм и правил, упорядочивающих социальные отношения, как между организациями, так и между людьми. Иначе говоря, институт представляет собой «триединую целостность — организацию, нормы, отношения».

Понятие «институт» (от лат. — установление, учреждение, обычай) вошло в научный оборот социологического и политологического знания из юриспруденции, где оно означало систему формально закрепленных правовых установлений, норм, законов регулирующих официальные, государственные виды социальных отношений (Соловьев, 2003, 7).

По поводу термина «институт» нет согласия среди исследователей (Шабанова, 2006, 68). Так, Д. Ш. Ткачев отмечает, что в современной политической науке под институтами понимаются законы, правила игры, определенные кодексы поведения, типы отношений и связей. «Это набор правил, процедура соответствий, моральное и этическое поведение индивидов в интересах максимизации богатства. Институты — это разработанные людьми формальные (законы, конституции) и неформальные (договоры и добровольно принятые кодексы поведения) ограничения, а также факторы принуждения, структурирующие их взаимодействие. Все вместе они образуют побудительную структуру общества и экономик (Ткачев, 2006, 79–80). Институт как «созданные человеком ограничения, которые структурируют политическое, экономическое и социальное взаимодействие», одновременно выступает и как совокуп-

ность «правил, механизмов, обеспечивающих выполнение социальных, экономических и политических взаимодействий и норм поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми» (Норт, 1993, 69–91). Но и в данном смысле понятие «институт» отделяется от термина «организация» (как субъекта социальной жизни, общественной группы) и служит для обозначения лишь «правил игры».

Согласно В. В. Радаеву и О. И. Шкаратану, понятие «институт» используется для обозначения устойчивого комплекса формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные виды человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов (Радаев, Шкаратан, 1995, 20). Специфика политических институтов проистекает из самой сути политики, которая соотносится со сферой публичных действий и распределительных мер. Она проявляется в виде стремления «к участию во власти или оказанию влияния на власть» (Вебер, 1990, 646).

Теория политических институтов формировалась в русле теории социальных образований. Социальный институт является исходным методологическим понятием в изучении политических институтов. Речь идет о тех составляющих социальных институтов, которые анализировали основоположники данной концепции (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм и др.), их исследования используются при изучении общего и особенного политических образований разных стран. Г. Спенсер, например, определял социальный институт как *устойчивую структуру социального действия индивидов и социальных групп, упорядочивающую и организующую на нормативной основе удовлетворение их базисных потребностей*.

По мнению классиков социологии, основными признаками социальных институтов являются:

а) прочность социальных связей, основанная на долговременном и устойчивом взаимодействии людей;

б) четкое и зафиксированное разделение функций между людьми, их детальная регламентация и регулирование формальными и неформальными нормами живого, социального и позитивного права;

в) конкретные и четко определенные образцы поведения, идеалы, ценности и установки, на основе которых протекают взаимоотношения людей при удовлетворении их многообразных потребностей, которые во многих случаях фиксируются в неписаных и писаных кодексах поведения, обычаях, традициях, ритуалах, моральных заповедях и других нормативных и обычно-правовых установлениях;

г) социокультурные символы и церемониалы, закрепленные в гербах, знаменах, гимнах, обручальных кольцах, церемониях присяги и многом другом;

д) обеспеченные специально подготовленными кадрами особые органы управления и самоуправления институтами, связанные с самоорганизацией и саморегулированием.

Характер социальных институтов соответствующим образом обуславливает их структурную организацию. Структурные компоненты социальных институтов таковы: а) цель и задачи их жизнедеятельности, связанные с удовлетворением при помощи конкретного института совершенно определенной базисной потребности людей; б) нормативно оформленные и организованные отношения в рамках конкретного института; в) общие и специфические функции, социальные роли и статусы индивидов и социальных групп, вовлеченных в функции социального института; г) принципы, методы, средства, ресурсы, т. е. технологии функциональной деятельности института по реализации своих целей и задач и удовлетворения базисных потребностей людей (Милецкий, 2003, 64–67).

С учетом перечисленных структурных компонентов институциональных систем значение имеют функции социальных институтов, которые подразделяются на универсальные функции для всех установлений и на специализированные, т. е. присущие каждому из них по отдельности и отличающие их друг от друга. Среди общих функций следует выделить следующие: а) функцию установления легальных и общепризнанных способов и форм удовлетворения конкретных, непреходящих и особо значимых (базисных) для людей потребностей; б) социально-регулятивную функцию, связанную с координацией деятельности членов общества и контролем над их поведением посредством обычаев, традиций, принуждения на основе норм живого, социального и позитивного права и других средств; в) социально-интегративную функцию, связанную с социальной консолидацией индивидов и социальных групп, вовлеченных в деятельность институтов, в сплоченные социальные сообщества; г) статустно-ролевую функцию, обеспечивающую устойчивость социального статуса и ролей индивидов и социальных групп в обществе (Там же, 2003, 64–67).

Наряду с универсальными задачами социальные институты исполняют также многочисленные специализированные функции, благодаря которым они в функциональном отношении отличаются друг от друга. Это относится и к президентской, парламентской, судебной, бюрократической, партийной и другим властям (включенным в государство, политическую систему, политическую жизнь общества и одновременно являющимся элементами общества), которые и составляют политическое содержание общества в социальном измерении.

Как было отмечено, за прошедшие столетия понятие «институт» изменилось и расширилось, однако и сегодня в нем сохраняются смы-

словые оттенки тех первоначальных значений, которые придавались ему в латинском языке (*Быченков, 1996, 8–9*).

Институты как правила, моральные нормы, своды законов, регуляторы поведения, организации — это тот небольшой перечень смысловых оттенков понятия, который встречается в современной научной литературе в рамках институциональных теорий. «Институт» понимается, чаще всего, либо как установление, норма, принятое правило поведения, либо как организация, учреждение, орган, ассоциация, объединение людей, совокупность людей, политиков или чиновников (служащих) и др. В первом случае можно говорить о нормативной (в смысле правил поведения), во втором случае — бихевиоральной (организационной) интерпретации института (*Lane, Ersson, 2000, 24*). Несмотря на различия, все же существуют некоторые значимые характеристики, общие для всех институциональных подходов (*Peters, 2000, 6*).

Если прежний, классический, «старый» институционализм, как правило, был основан на концепции холизма (от греч. — целое) и объяснял интересы индивидов через характеристики институтов, которые предопределяют социальные взаимодействия, то неинституционализм в изучении институтов преимущественно следует традициям методологического индивидуализма. Неинституционалисты исследуют институты как равнодействующие интересов и поведения индивидов, использующих институты для координации собственных действий (Дж. Бьюкенен, М. Олсон, Д. Норт и др.).

В самом общем виде можно выделить три типа «нового» институционализма — исторический, социологический и институционализм с позиции теории рационального выбора (*Gorges, 2001, 143*).

Исторический институционализм (П. Холл, С. Стейнмо, К. Телен и др.) определяет институты как формальные и неформальные процедуры, рутины, нормы и соглашения, глубоко внедренные в организационную структуру политической системы или политической экономики (*Hall, Taylor, 1996, 7*). Они могут варьироваться от правил конституционного порядка или стандартных рабочих процедур бюрократии до соглашений, регулирующих поведение профсоюза, и отношений между банком и фирмой. Исторические институционалисты связывают институты с организациями и правилами или соглашениями, промульгированными формальной организацией.

Основная идея исторического институционализма: первоначальный выбор оказывает глубокое воздействие на все последующие политические решения. Ключевым для этого научного течения является понятие «траектория предшествующего развития институтов». Его суть такова. Институты становятся важнейшими факторами, формирующими поведение акторов: когда актер оказывается в ситуации выбора альтернатив

поведения, он выбирает путем обращения к доступным средствам и принятым представлениям о легитимном поведении. «Траектория предшествующего развития институтов» не означает, что акторы лишены свободы маневра. Вполне возможно, что они сознательно откажутся от какого-то «пути» (траектории), избранного ими или их предшественниками. Вместе с тем следует сказать, что исторические институционалисты порой переоценивают роль институтов и недооценивают относительную широту выбора альтернатив поведения акторов. Положительным моментом этого типа институционализма является то, что он подчеркивает важность институционального наследия прошлого для настоящего контекста.

Институционализм с позиции теории рационального выбора (Э. Остром, К. Шепсл и др.) рассматривает институты как формальные или иные образования, но чаще инструментально, т. е. в качестве «орудия» акторов для реализации своих целей (которые они сами определили для себя под воздействием какого-либо внешнего фактора). Акторы создают новые институты или используют существующие. Конечно, могут существовать ограничения на выбор целей акторов со стороны институтов, но они соглашаются на эти ограничения, поскольку в их условиях они выигрывают больше, нежели в ситуации, когда они действовали бы в одностороннем порядке. Институты существуют, если акторы полагают, что они дают больше выгод, нежели потерь.

Институты в рамках социологического институционализма определяются более широко: кроме формальных правил, процедур или норм, они включают системы символов, когнитивные сценарии (скрипты) и моральные шаблоны, которые предоставляют «смысловые рамки» для того, чтобы направлять человеческие действия. Система символов, ритуалов, верований и представлений о мире позволяет актерам понимать или интерпретировать контекст, в котором они себя обнаружили. Институты, таким образом, выступают в качестве эталонной рамы (каркаса), которая позволяет актерам решать, какие действия являются лучшими или подходящими, и понимать поступки других людей. При таком представлении институты выступают решающими посредниками между индивидами и целым миром, между разными индивидами. Они позволяют людям понимать смысл, того, что делают сами люди и другие. Это подход позволяет получить полную картину того, как институты формируют и поведение, и идентичность. Вместе с тем определение института в социологическом институционализме устраняет концептуальное различие между понятиями «институт» и «культура» (Hall, Taylor, 1996, 947).

К социологическому институционализму относят работы «отцов-основателей» неинституционализма Дж. Марча и Й. Ольсена, которые

определяют институты через ценности и «логику соответствия». Б. Г. Питерс полагает, что их подход следует считать нормативным, а не социологическим (Peters, 1999, 333). Он наряду с рассмотренными выше тремя подходами к институтам выделяет и другие модели институционализма: а) нормативный институционализм; б) эмпирический институционализм, в котором предпринимается попытка использовать различия в конфигурации формальных институтов (президентское vs парламентское правление) для объяснения различий в результатах политики; в) международный институционализм (в теории международных отношений), в частности, использует теорию режима, которую можно рассматривать как аналог институциональным теориям во внутренней политике; г) институты рассматриваются как посредники: группы интересов и политические партии, а также партийные системы и политические сети, выступающие связующим звеном между государством и обществом.

В социологии политики и социологии организаций, как и в других теоретических схемах, мы не находим единой парадигмы институциональных образований. Имеет место множество моделей организаций, вокруг которых сгруппировались целые школы исследователей. Анализируя историю этого вопроса с позиции логической реконструкции, можно воспроизвести следующие основные концепции социологии организации: «организация как трудовой процесс» (Ф. Тейлор); «организация — машина» (А. Файоль, Л. Урвик и др.); «Бюрократическая модель организации» (М. Вебер); «организация — община» (Э. Мэйо, Ф. Ротлисберг и др.); «социотехническая модель» (Е. Трист и др.); «интернационалистская модель» (Ч. Бернар, Г. Саймен, Дж. Марч и др.); «естественная организация» (Т. Парсонс, Р. Мертон, А. Этциони и др.).

Модель «организация как трудовой процесс» («научная организация труда») связана с именем Ф. Тейлора. Работник в ней рассматривается как звено единой специализированной цепи организации, трудовая деятельность которого размельчалась на простейшие элементы с целью задать ему оптимальный режим исполнения. Соответственно, трудовая деятельность принципиально отделялась от управления, которое являлось функцией другого субъекта. Концепцию «организация — машина» предложили А. Файоль и Л. Урвик, которые считают, что организация проявляется как безличный механизм формализованных отношений, статусов и целей в форме многоуровневой административной иерархии. Она — инструмент, с помощью которого решаются задачи. Человек в организации выступает не в качестве личности, а в форме абстрактного «человека вообще». «Бюрократическую модель организации» разработал М. Вебер.

Модель «организация — община» (Э. Мэйо, Ф. Ротлисберг) предполагает, что основу этой общности составляют «человеческие отноше-

ния». Организация — это частный случай человеческой общности, особой социальности. В основе ее лежат отношения «человек — человек», «человек — группа», поэтому такие связи возникают на межличностной базе взаимных привязанностей и общих интересах. Принятые в группе нормы поведения являются доминирующим регулятором отношений общины. Ее структура производна от стихийно складывающихся первичных отношений между людьми через факторы лидерства и престижности. В этих группах особое значение приобретает частное и неформальное право. Контроль поведения отдельного человека (через общественное мнение) и удовлетворение общественных потребностей осуществляет именно такая организация. Социально-психологическая «организация в организации» с трудом поддается внешнему управлению. Наиболее правильный путь воздействия на общину находится в плоскости включения в ее естественную среду, и соответственно необходим учет ценностей, установок, мотивов поведения носителей организационных отношений.

«Социотехническая модель» предложена группой английских социологов (Е. Трист и др.). Представители социотехнической концепции организации считают, что имеется взаимозависимость между социальной организацией производства и характером технических его средств. Иначе говоря, имеет место, с одной стороны, зависимость внутригрупповых связей от технологии производства, с другой — обратное влияние социально-психологических качеств группы на производственный процесс, главным образом производительность труда. Поэтому в зависимости от особенностей технологического процесса в деятельности организации следует учитывать и допускать возможность неформальных способов регулирования организационных отношений.

«Интернационалистская модель» разработана Ч. Бернардом, Г. Сайменом, Дж. Марчем и др., которые считают организацию производной от системы взаимодействий между субъектами деятельности. В процессе взаимодействия индивиды вносят в организацию ожидания и ценности, руководствуются своими собственными представлениями о реальной жизненной ситуации. В силу того, что структура и цели организации являются следствием этих взаимоотношений вместе с формальными правилами и процедурами, в системе управления проявляются элементы неопределенности и вместе с этим возникает риск при принятии решений. Рациональные действия руководителя имеют свои пределы, как-то: из-за ограниченности его знания об организации, неспособности предвидеть всех последствий своего решения, неустойчивости порядка его предпочтений.

Авторы теории «естественной организации» — Т. Парсонс, Р. Мертон, А. Этциони и др. — считали, что организационная деятельность анали-

зируется как объективный, самосовершающийся процесс, в рамках которого субъективное начало не имеет решающего значения. Организованность — это такое состояние системы, которое позволяет ей самонастраиваться при воздействии внешних и внутренних составляющих. Целедостижение выступает как один из возможных результатов деятельности системы. Отклонение от цели не является ошибкой или просчетом, а естественным способом функционирования организации, в которой значительное место занимают не планируемые, а стихийные факторы. Как правило, этот подход избегает взгляда на систему с позиций управления. Социальное образование рассматривается как саморазвивающийся организм, имеющий множество проявлений и собственных законов, направление развития которых предугадать трудно (*Пригожин, 1995, 27–32*). Эволюция методологии западной социологии показывает противоположность настоящего ее состояния начальному содержанию. В первых моделях организационная эффективность связывалась с высокой формализацией, организационное творчество закреплялось за высшими структурами в системе иерархии. Деятельность последней дробилась на простейшие компоненты, и узкая специализация означала высокую степень продуктивности носителя организационных отношений.

Современные теории ориентируют на необходимость учета неформальных механизмов регулирования, самостоятельность деятеля определяется как элемент, способствующий успешному развитию организации, сложный труд выступает как дополнительный мотив, психологические и иные потребности выходят в центр внимания управления организациями (*Курочкин, 2000, 29–37*).

В связи с изысканиями второй половины XX в. в области теории организаций и социологии политики получила развитие концепция «умной», саморегулирующейся организации, которая находится под влиянием экономического подхода к управлению и формулируется в духе теории «государственного менеджмента». Эта концепция имеет в определенном значении практическое происхождение, представляя собой идеологию административных реформ, начатых в 80-е годы XX в. «консервативными» правительствами в ряде западных стран.

С развитием постиндустриального общества ставится под сомнение эффективность политической и бюрократической иерархии в рамках государственных институтов и связанной с нею централизации информации и ответственности, осуществляется поиск нового качества управления. «Адекватная современным требованиям организация должна основываться на переходе: от “конвейерного” труда к наукоемкому; от индивидуального труда к работе в командах; от работы по функциям к работе по проектам; от узкой и жесткой специализации к широкопрофильной подготовке; от подотчетности “боссу” к подотчетности “кли-

ентам" (получателям результата); от иерархии к горизонтальной координации работы внутри команд» (Афанасьев, 1995, 68; Сморгун, 2000, 139–166; Pinchot, Pinchot, 1993; Оболонский, 2001, 58; Зинченко, 1996, 164).

В то же время центральное правительство, в соответствии с этой позицией, должно создавать общенациональные нормы и правила. Соответственно данной ситуации в рамках этих правил могут действовать саморегулирующиеся, имеющие цели прибыли организации, которые самостоятельно определяют задачи, организационные формы, партнеров-поставщиков. Следует отметить, что методы частного сектора требуют самого глубокого анализа, но стремление при помощи рыночных механизмов решить большинство проблем современного общества, создавая «умные», саморегулирующиеся управленческие системы, затруднительно. Так, анализируя «изъяны рынка», Дж. Стиглиц определяет следующие условия, при которых рынок не решает социальные проблемы: инфляция, безработица, несостоятельность конкуренции, внешние эффекты (экстреналии), неполные рынки, общественные товары, несовершенство информации (Стиглиц, 1997, 76–84).

В анализе проблем государства и институтов его образующих, а также государственного управления все большее значение приобрело и другое концептуальное направление, в основе которого находится термин «политическая сеть». Концепция политических сетей имеет корни в теориях, которые посвящены взаимодействию гражданского общества и государства. Отмечаются следующие направления: плюралистическая теория, корпоративизм, теория заинтересованных групп, теория межорганизационных отношений, неинституционализм в социологической версии (Сморгун, 2000, 4–13; 2003, 50–58).

Концепция политических сетей меняет ракурс рассмотрения государства как агента политики в широком значении последней: «1) в противоположность идее доминирующей роли государства в выработке политики и при сетевом подходе государство и его институты являются одним из акторов производства политических решений; 2) в противоположность идее относительной независимости государства в политике в концепции политических сетей государственные структуры рассматриваются в качестве «сцепленных» с другими агентами политики и вынуждены вступать в обмен с ними своими ресурсами; 3) в противовес идее государственного управления как иерархически организованной системы сетевой подход предполагает новый тип управления «руководство»... общая характеристика которого нашла выражение в формуле «управление без правительства», или «руководство без правительства»» (Сморгун, 2002, 39–40; Государственная политика, 2007, 238–244).

Руководство в рамках политической сети отличается как от простого администрирования, когда источником политических решений вы-

ступает верхушка иерархической пирамиды государственной власти, а общественные институты оказывают на этот процесс лишь опосредованное влияние, так и от рыночной модели государственного управления с ее акцентом на принципы торговой сделки, в которой каждый пытается максимально отстоять свой особый интерес; оно осуществляется через переговоры между государственными и негосударственными институтами, направлено на выработку удовлетворяющей стороны политического решения. Считается, что данная модель управления эффективнее рыночной и иерархической и лучше обеспечивает общественные потребности (Сморгунов, 2001, 108).

Подведем некоторые итоги. Вследствие отождествления норм с институтами в общественной науке происходит редуцирование формальных институтов, сведение их к формальным нормам. «Институты бывают *формальными*, то есть закрепленными в писаном виде... В реальной жизни формальными институтами являются конституции, гражданский и другие кодексы, законы, постановления, распоряжения и т. д. Другая группа институтов — *неформальные* традиции, привычки, стереотипы поведения и другие устойчивые формы взаимодействия между людьми, которые определяются главным образом культурой, психологией и идеологией данного общества» (Нестеренко, 2002, 309–310).

В таком же ключе понимания социального института может рассматриваться и проблема происхождения формальных и неформальных институтов (норм, правил, законов, норм, предписаний). В отличие от формальных институтов, возникающих в результате политического торга и обеспечиваемых государственным принуждением, «неформальные институты выступают продуктом спонтанной эволюции общества или свободного выбора институциональных норм участниками сделки. Зачастую они основаны на религиозных, идеологических и эмоциональных факторах... и обеспечиваются внутренними установками человека или неорганизованным контролем со стороны общества... Помимо всего прочего, неформальные институты определяют отношение индивидов к различным вариантам “формальных институтов”, предлагаемых государством» (Либман, 2006, 54–55).

Выделяются и три основные модели неформальных институтов: а) это нормы, определяющие общее отношение к государству как таковому, т. е. общий уровень вертикального доверия в экономике и других сферах общественной жизни; б) существуют нормы, определяющие используемые людьми критерии оценки предлагаемых государством институтов, например экономическая эффективность, социальная справедливость, свобода, экологическая безопасность и т. д.; в) нормы, определяющие общественно допустимые ситуации нарушения как формальных предписаний, так и неформальных норм первого и второго

значений. «Возникая как средство координации, устойчиво повторяющиеся формы человеческого взаимодействия, неформальные правила: а) детализируют, трансформируют и развивают писанные нормы, которые заведомо не способны учесть все факторы социального процесса; б) служат социально санкционированными нормами поведения в сферах, не регулируемых формальными правилами; в) выступают в качестве внутренне обязательных для индивидов моральных принципов и максим» (Ткачев, 2006, 80).

В данном анализе термина «институт» не предполагается отделения формальных и неформальных норм, законов, правил или установлений от формальных институтов в широком понимании последних. «Формальные (по способу установления и контролю) институты всегда включают неформальную составляющую, без учета которой нельзя понять механизмы их функционирования и развития, вектор их возможной трансформации. Не случайно характер соотношения между формальными и неформальными нормами в рамках формальных институтов — одна из задач институционального анализа. Даже такой формальный институт, как *армия*, невозможно понять без учета неформальной составляющей (дедовщина, избисние солдат офицерами, нелегальная торговля оружием, уклонение от воинской службы, настороженное отношение общества к армии, деятельность солдатских матерей и др.) (Шабанова, 2006, 69). Формальные и неформальные нормы не тождественны формальным институтам и выступают их частью. Неформальные же правила игры могут существовать внутри и вне формальных институтов.

Поэтому вслед за Р. Далем под институтом в данном исследовании понимаются не только формальные и неформальные правила и механизмы их исполнения, но и в более широком смысле «организации, рассчитанные на длительный период, передаваемые из поколения в поколение как бы по наследству» (Даль, 1999, 83).

В нашем анализе институт включает в себя: во-первых, формальные отношения (первоначальный смысл) и неформальные (родственные, дружеские, союзнические) виды связей (Ачкасов, Грызлов, 2006, 5), которые систематизируют и стандартизируют поведение людей; во-вторых, он включает носителей (субъектов, акторов) социальных отношений, ролей и статусов; в-третьих, поступки или стереотипы человеческого поведения, которые характеризуют отдельного человека, и в отличие от норм и правил, вследствие привычки как таковой, не контролируются другими людьми; и, наконец, в-четвертых, предрассудки или народные взгляды (традиции, обычаи). Другими словами, каждый социальный институт, регулирующий ту или иную область общественной жизни, состоит, по меньшей мере, из нескольких элементов: формальные — правовые, административные и организационные — нормы и

правила, регламентируемые властными и управленческими органами; механизмы государственного контроля над выполнением установленных норм и правил; механизмы общественного контроля; неформальные нормы, укорененные в культуре данного общества (*Заславская, 2004, 122–114*). Эти элементы социального института взаимосвязаны и в реальной жизни всегда сохраняют некоторую автономность.

Такое широкое понимание термина очень важно при анализе «знаковых» институциональных изменений, которые происходят в различных странах. Так «на траектории институциональных сдвигов могут оказаться пробелы не только в государственном (вертикальном), но и в общественном (горизонтальном) и ином контроле. Свой вклад может вносить и степень рассогласованности между формальными и неформальными нормами или каждым из этих видов норм, с одной стороны, и формальным и неформальным контролем — с другой. Изменения этих элементов относительно независимы друг от друга, и каждый из них вносит свою лепту в трансформацию того или иного института. Поэтому в аналитических целях важно иметь в виду не один и даже не два, а все четыре элемента института и внимательно отслеживать степень соответствия и характер взаимосвязи в меняющихся условиях. Ведь чем сильнее они поддерживают друг друга, тем успешнее трансформация того или иного института; и напротив, рассогласованность их динамики может существенно затруднить институциональные преобразования и даже придать им противоположный знак» (*Шабанова, 2006, 70*).

Одновременно более широкий смысл понятия «институт» можно использовать не только применительно к кардинально меняющимся обществам, но и к стабильным государствам. «С одной стороны, институты — это своего рода выражение духовной общности. Их существование возможно лишь в теле политического сообщества, а не в отрыве от него... Поэтому никакой политической институт не является вещью в себе, он всегда имеет то или иное значение в рамках ментального образа. С другой — будучи однажды установлены, институты приобретают известную самостоятельность по отношению к политическим ментальным конструкциям, начинают жить собственной жизнью. В качестве институтов власти они оказываются под контролем определенных политических сил, которые активно используют их для политической работы — воздействия на процесс формирования и воспроизводства смыслов, значений, идентичностей. Эти силы навязывают собственный «образ политического сообщества», стремясь вытеснить альтернативные значения и смыслы. По сути дела, речь идет о легитимации, которая, оправдывая существующий порядок, производит образ целостного политического сообщества, что придает ему относительную устойчивость» (*Панов, 2007, 92–93*).

Литература

- Афанасьев М. Н. Государев двор или гражданская служба? (Российское чиновничество на распутье) // ПОЛИС. 1995. № 6.
- Ачкасов В. А., Грызлов Е. В. Институты западной представительной демократии в сравнительной перспективе. СПб., 2006.
- Быченко В. М. Институты. Сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъективности. М., 1996.
- Государственное управление и политика. СПб., 2002.
- Государственная политика и управление: В 2 ч. Ч. II: Уровни, технологии, зарубежный опыт государственной политики и управления / Под ред. Л. В. Сморгунова. М., 2007.
- Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
- Даль Р. О демократии. М., 1999.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
- Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М., 2004.
- Зинченко Г. П. От администрирования к менеджменту (опыт реформирования государственной службы в Великобритании) // ПОЛИС. 1996. № 1.
- Куручкин А. В. Эффективность государственного управления // Сравнительное государственное управление: теория, реформы, эффективность. СПб., 2000.
- Либман А. М. Институциональная конкуренция и постсоветская трансформация (Влияние неформальных институтов) // Общественные науки и современность. 2006. № 6.
- Милецкий В. П. Введение в социологию права. СПб., 2003.
- Мэр П. Сравнительная политология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999.
- Нестеренко А. Н. Экономика и институциональная теория. М., 2002.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
- Оболонский А. В. Кадровая политика в федеральной государственной службе США: История и современность // Общественные науки и современность. 2001. № 3.
- Оболонский А. В. Институты и экономический рост // Tnesis. Вып. 2. М., 1993.
- Панов П. В. Политическое сообщество: конструирование и институционализация // ПОЛИС. 2007. № 1.
- Париши П. Б. Семiotика социальных институтов и споры об «интеллектуальной собственности» // ПОЛИС. 2004. № 2.
- Патрушев С. В. Институционализм в политической науке: Этапы, течения, идеи, проблемы // Зарубежная политология в XX столетии. Сб. науч. тр. М., 2001.
- Питерс Б. Г. Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М., 1999.
- Пригожин А. И. Современная социология организаций. М., 1995.
- Рабаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М., 1995.
- Ротштайн Е. Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. М., 1999.
- Сморгунов Л. В. Административные реформы в западных странах: сравнительный анализ // Сравнительное государственное управление: теория, реформы, эффективность. СПб., 2000.
- Сморгунов Л. В. Сетевой подход к государственному управлению // Вестник КРАГСиУ. Управление и кадровая политика. 2000. № 2.
- Сморгунов Л. В. Сетевой подход к политике и управлению // ПОЛИС. 2001. № 3.
- Сморгунов Л. В. Сравнительный анализ политико-административных реформ: от нового государственного менеджмента к концепции «governance» // ПОЛИС. 2003. № 4.
- Соловьев О. М. Политические институты. СПб., 2003.
- Социально-экономическая эффективность: Опыт США. Роль государства. М., 1999.

- Стиглиц Дж. Ю. Экономика государственного сектора. М., 1997. С. 76–84.
- Сухарев О. С. Проблема качества институционального развития // Журнал экономической теории. 2002. № 2.
- Ткачев Д. Ш. Особенности функционирования институтов и социальных сетей на постсоветском пространстве // ПОЛИС. 2006. № 1.
- Фарукиши М. Х. Политические институты демократического общества // Перспективы развития современного общества: Материалы Всероссийской научной конференции (13–14 декабря 2002 г.). Ч. 1. Казань, 2003.
- Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.
- Шабанова М. А. Экономический и социологический анализ институциональных изменений // Общественные науки и современность. 2006. № 6.
- Gorges M. New institutionalist explanations for institutional change: A note of caution // Politics. 2001. Vol. 21 (2).
- Hall P. A., Taylor R. C. Political science and the three new institutionalism // Political Studies. 1996. Vol. XLIV.
- Lane J.-E., Ersson S. The new institutional politics: Performance and outcomes. London; New York, 2000.
- Peters B. G. Institutional theory and administrative reform / Egeberg M., Lægreid (eds.). // Organizing political institutions. Essays for Johan P. Olsen. Oslo, 1999.
- Peters B. G. Institutional theory: Problems and prospects. Vienna, 2000.
- Pinchot C., Pinchot E. The End of Bureaucracy and the Rise of the Intelligent Organization. San-Francisco, 1993.